

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 428–467.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 2 (2024): 428–67.

Научная статья

УДК 94(470.41.25)(093)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-2>

EDN: FFLYJP

**«Любимое времяпровождение русских – стоять в очереди»:
Франк Уитсон Феттер о торговле и продовольственной ситуации
в Казани (1930)**

Рамина Олеговна Абилова

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия,

ramina.abilova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9172-1177>

Ramina O. Abilova

University of Tyumen,

Tyumen, Russia,

ramina.abilova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9172-1177>

Аннотация. В статье рассматриваются положение в торговле и продовольственная ситуация в Казани в период реализации первого пятилетнего плана на основе анализа письменных и визуальных источников, созданных американским экономистом Франком Уитсоном Феттером (1899–1991) во время его шестинедельного визита в 1930 г. Будучи опытным экономистом, Феттер использовал разнообразный арсенал инструментов для изучения экономической ситуации в стране: включенное наблюдение, беседы, фото- и киносъемку. Он ежедневно посещал казанские кооперативы и рынки, фиксируя полевые данные и информацию о съемках, а затем на их основе делал подробные записи в дневнике. В настоящее время значительная часть собранных материалов, включающих более 300 фотографий, хранится в Библиотеке редких книг и рукописей им. Дэвида М. Рубенштейна Дьюкского университета (США). Особое внимание в них уделено ситуации, сложившейся в торговле Казани: товарному ассортименту, динамике цен, перебоям в государственном снабжении, санитарному состоянию частных рынков и заведений государственно-кооперативной торговой сети, очередям, поведению продавцов и покупателей, а также в сфере потребления – зарплатам, карточной системе, питанию, наличию и качеству одежды и обуви. Феттер стал свидетелем усиливавшегося товарного дефицита и нараставшего недовольства казанцев, формировавшихся на этапе коренного перелома в экономической системе СССР. В статье раскрывается его взгляд на сформировавшуюся ситуацию и приводятся сделанные им фотографии.

Ключевые слова: Франк Уитсон Феттер, Казань, АТССР, интуристы, советская экономика, торговля, продовольственная ситуация, американские экономисты, первый пятилетний план
Для цитирования: Абилова Р.О. «Любимое времяпровождение русских – стоять в очереди»: Франк Уитсон Феттер о торговле и продовольственной ситуации в Казани (1930) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 428–467, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-2>; EDN: FFLYJP

“Russians’ Favorite Pastime Is Standing in Line”: Frank Whitson Fetter about Trade and Food Situation in Kazan (1930)

Abstract. The article examines trade and food situation in Kazan during the first five-year plan based on the analysis of written and visual sources created by American economist Frank Whitson Fetter (1899–1991) during his six-week visit in 1930. As a professional economist, Fetter used a wide variety of tools to study the economic situation in the Soviet Union: participant observation, interviews, photography, and filming. He visited Kazan cooperatives and markets daily and recorded field data in his notebooks. Based on them, Fetter made detailed records in his journal. Currently, a significant part of the collected materials, including more than 300 photographs, is kept at David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University (USA). Particular attention in Fetter’s materials is paid to the Kazan trade situation (the behavior of sellers and buyers, queues, range of goods, price dynamics, interruptions in government supply, sanitary condition of private markets and establishments of the state cooperative trading network) and consumers’ status (their salaries, rationing system, food, availability and quality of clothing and footwear). Fetter witnessed the growing shortage of goods and the growing discontent of Kazan citizens during a radical change in the economic system of the USSR. The article reveals his view of the situation and provides photographs taken by him.

Keywords: Frank Whitson Fetter, Kazan, ATSSR, foreign tourists, Soviet economy, trade, food situation, American economists, first five-year plan

For citation: Abilova, R.O. ““Russians’ Favorite Pastime Is Standing in Line”: Frank Whitson Fetter about Trade and Food Situation in Kazan (1930).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 2 (2024): 428–67, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-2>; EDN: FFLYJP

Введение

В годы реализации первого пятилетнего плана увеличился поток визитеров из США в Советский Союз. Наибольший интерес у исследователей вызывают впечатления и обстоятельства пребывания в стране американских корреспондентов, дипломатов, художников, писателей, деятелей культуры, специалистов¹. Однако до недавнего времени за пределами внимания ученых

---

¹ См.: Курилла И.И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. Москва: Новое литературное обозрение, 2018; Лапина Г.В. Американцы в Москве: 1930–1940. Москва: Литфакт, 2022; Микенберг Дж.Л. Американки в Красной России: В погоне за советской мечтой / перевод с английского Т. Азаркович. Москва: Новое литературное обозрение, 2023; Тихий К.Т. Американцы о стране Советов 1921–1933 гг. Владивосток: Дальнаука, 2000; Шнотов Б.М. Американский

находились материалы, собранные американскими экономистами, которые приезжали в страну как в составе организованных групп на короткий срок, так и индивидуально на длительное время². Если в первом случае визиты сводились к посещению населенных пунктов и объектов, входивших в перечень специально разработанных направлений для иностранцев³, то во втором – существовала возможность отклониться от утвержденных маршрутов и собрать более разнообразные данные для исследовательской работы⁴. Путешествия вдохновляли отдельных ученых стать экспертами в области советской экономики. Многократные и продолжительные поездки способствовали появлению научных публикаций о СССР⁵. Однако некоторые зарубежные исследователи по разным причинам не смогли реализовать свои профессиональные амбиции в этой сфере и вынуждены были сменить тематический вектор. В результате собранный ими материал оказался не востребован. Его введение в научный оборот поможет дополнить картину экономической ситуации в советских регионах на рубеже 1920–1930-х годов. Данная статья направлена на заполнение лакуны, существующей в изучении этой сферы жизни Советского Союза, и содержит результаты анализа неопубликованных письменных и визуальных документов американского экономиста Франка Уитсона Феттера (1899–1991), посвященных торговле и продовольственной ситуации в г. Казани в 1930 г.

бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества. Москва: Либроком, 2012; *Эткинд А.М.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. Москва: Новое литературное обозрение, 2022 и др.

² Одно из исключений представляет собой книга П. Филина, в которой кратко представлены взгляды американских экономистов на первый пятилетний план: *Filene P.G.* Americans and the Soviet experiment, 1917–1933. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967. Р. 198–200.

³ Например, газета «Красная Татария» в 1930 году сообщала о поездке группы американских экономистов, состоящей из 30 человек, в Сталинград для знакомства с «Тракторстроем». См.: *Вульфсон Л.* В две строки // Красная Татария. 1930 (31 июля). С. 4.

⁴ Документы Государственного архива Российской Федерации содержат сведения о длительных исследовательских визитах американских профессоров экономики Л. Риза, К. Гувера, Дж. Кондлифа, Р. Броды и др. См.: Отчет о работе англо-американского сектора за период октябрь 1929 – октябрь 1930 // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 3. Д. 74. Л. 4; В иностранный отдел АОМСа // ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 42. Л. 221; Сведения о наиболее выдающихся американцах, посетивших СССР с мая 1931 г. по май 1932 г. и связанных с ВОКСом // ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 104. Л. 5.

⁵ Например, см.: *Hoover C.B.* The Economic Life of Soviet Russia. New York: The Macmillan company, 1931 и др.

Основная часть

Франк Уитсон Феттер получил степень доктора наук в области экономики в Принстонском университете в 1926 г., тогда же благодаря участию в финансовой комиссии под руководством экономиста Эдвина Кеммерера в Польше у него сформировалось первое представление о Советском Союзе. Непосредственное знакомство со страной произошло два года спустя – в 1928 г., когда Феттер, по завершении работы в финансовой комиссии в Латвии, выбрал необычный маршрут для возвращения в США – через СССР. Вероятно, транзитное путешествие по Транссибирской магистрали привело к пробуждению исследовательского интереса к Советскому Союзу. В начале 1930 г., став к тому моменту доцентом Принстонского университета, Феттер решил предпринять целенаправленную поездку в заинтересовавшую его страну. В качестве основной цели визита в заявлении на получение визы американский исследователь указал изучение русского языка и истории денежного обращения, начиная с 1914 г.⁶ В конце июня он прибыл в СССР, надеясь провести лето в пригороде Москвы, но в силу случайных обстоятельств оказался в Казани.

Передвижения иностранных туристов по территории Советского Союза в этот период еще не были жестко регламентированы. Деятельность «Интуриста» находилась на этапе становления, а Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) переключилось на прием именитых гостей. Казань не входила в число закрытых для иностранных туристов городов. В изданиях, рассчитанных на зарубежную аудиторию, регулярно выходили материалы о ней и татарской культуре⁷. Однако Казань не собирались превращать и в туристический центр, а потому материальная база «Интуриста» (гостиницы, автотранспорт, рестораны и т.д.) в городе отсутствовала. Его сезонные агентства функционировали только с 1 июня по 1 октября, что было связано с

---

⁶ Letter to Visa Department of The People's Commissariat, March 26, 1930 // Frank Whitson Fetter Papers, David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University (далее – FWFP). Box 1. General Correspondence. 1930. P. 1.

⁷ Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries. Special number on the Tatar Republic. 1927. № 23–25; *Prigunov M.* The Tartar theater // Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries. 1928. № 14–15. P. 10–11; *Vorobyev N.* Local Research in the Tartar Soviet Republic // Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Counties. 1928. № 24–25. P. 12–13; Fifty-First anniversary of the Kazan Scientific Society // Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries. 1929. № 7–8. P. 15; Tatar Literature // Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries. 1929. № 39–40. P. 7–8; Kazan // USSR in construction: illustrated monthly magazine. 1933. № 3. P. 18–21.

графиком речной круизной навигации⁸. В 1930-е гг. краткосрочное посещение Казани предусматривали только круизные маршруты по Волге⁹. Длительное пребывание иностранных туристов в городе не подразумевалось. Согласно Генеральным инструкциям, индивидуальные туры могли осуществляться только по специально составленным маршрутам, включавшим те пункты, которые были перечислены в списке рекомендованных туров и имели материальную базу «Интуриста»¹⁰. Благодаря связям американского исследователя Самуэля Харпера, изучавшего СССР, Феттеру удалось отклониться от стандартно выстроенных маршрутов для иностранцев и провести шесть недель в Казани¹¹. Только после состоявшегося близкого знакомства со столицей АТССР и ее окрестностями, он отправился по маршруту, рекомендованному для интуристов, – в круиз вниз по Волге и путешествие по городам Кавказа.

Будучи экономистом, Феттер особое внимание уделил торговле и продовольственной ситуации в Казани. Одним из главных методов сбора данных стало включенное наблюдение. Он ежедневно посещал торговые места и фиксировал наблюдаемые явления и события: поведение продавцов и покупателей, очереди, продуктовый ассортимент, динамику цен, санитарное состояние и устройство частных рынков и заведений государственно-кооперативной торговой сети. Другой метод Феттера – проведение бесед. Основными собеседниками экономиста были члены семьи Семон – хозяев квартиры, в которой он остановился, их соседи – семьи Гаркави и Брюно, а также его учительница русского языка Екатерина Николаевна Зыбина¹². Общение с этим кругом лиц во многом облегчалось тем, что они могли разговаривать на иностранных языках. По мере совершенствования речевых навыков на уроках русского языка Феттер также смог обмениваться краткими репликами с другими горожанами и крестьянами, приезжавшими на рынки, и

⁸ Генеральная инструкция по обслуживанию иностранных туристов в СССР. Москва: Интуристское отделение печати, 1936. С. 71.

⁹ См., например: Генеральная инструкция по обслуживанию туристов и валютных клиентов. Москва: Типо-литография им. Воровского, 1934. С. 67–68; Генеральная инструкция по акквизиции иностранных туристов. Москва: Искра революции, 1935. С. 8, 10–11; Генеральная инструкция по обслуживанию иностранных туристов в СССР (1936). С. 78–79, 82–83; Генеральная инструкция по обслуживанию иностранных туристов в СССР. Москва: Интурист, 1937. С. 20–21; “Intourist”, company for foreign travel (USSR). Volga. Moscow: Intourist, 1938. P. 7–9 и др.

¹⁰ Генеральная инструкция по обслуживанию иностранных туристов в СССР (1937). С. 29.

¹¹ См. подробнее: Абилова Р.О., Крашенинникова Т.П. Казанские адреса Франка Уитсона Феттера // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 1 (94). С. 58–76.

¹² См. подробнее: Абилова Р.О., Крашенинникова Т.П. Казанские адреса Франка Уитсона Феттера.

улавливать суть разговоров между ними. Для систематической фиксации сведений, полученных в ходе наблюдения и бесед, он делал ежедневные заметки. Помимо этого, Феттер обращался к визуальным методам регистрации интересовавших его объектов – делал фото- и киносъемку, информация о которых заносилась в отдельный блокнот¹³. В нем указывались даты проведения съемок, комментарии о запечатленном месте и событии, номер пленки и настройки камер. На основе данных, собранных на полевом этапе, Феттер делал подробные записи в дневнике, в которые добавлял оценочные суждения как экономического, так и эмоционального характера (приводил остроумные цитаты и сравнения)¹⁴. Используемые методы позволили получить предварительное представление об экономической ситуации в СССР и сформулировать проблематику для дальнейшей исследовательской работы. После возвращения в США Феттер приступил к аналитическому этапу своего исследования, связанному с осмыслением полученного материала: сформулировал выводы о состоянии советской экономики в письмах к коллегам, подготовил исследовательскую заявку, провел отбор и редактирование фотографий, сделал диапозитивы, смонтировал фильм. Однако, не получив поддержки для продолжения работы в СССР, Феттер вынужденно переключился на изучение экономики других стран. Именно поэтому собранный им в Казани материал оказался не введен в научный оборот. В настоящее время его значительная часть хранится в Библиотеке редких книг и рукописей им. Дэвида М. Рубенштейна Дюкского университета¹⁵.

Визуальные и письменные документы, созданные Феттером, репрезентируют состояние торговли и продовольственной ситуации в Казани в переходную эпоху, когда завершилась новая экономическая политика и началась первая пятилетка. Эту тему отражают более полусотни его фотографий. На них мы видим и частную хлебную торговлю М. Тимофеевой, и ларьки Казанского центрального рабочего кооператива (КЦРК). В этот период в СССР действовала карточная система распределения: для приобретения дефицитного товара необходимо было не только заплатить деньги, но и предоставить особый талон, разрешавший его покупку. В стране углублялась географическая и социально-

¹³ Camera settings // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930.

¹⁴ Journal of European Trip // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930.

¹⁵ Фильм находится в частной коллекции. Фотографии (контрольные отпечатки и фотоотпечатки) хранятся в Библиотеке редких книг и рукописей им. Дэвида М. Рубенштейна Дюкского университета: Photographs. Russia. 1930 // FWFP. Box 56. Pictures, 1909–1988, undated (bulk 1930). Оцифрованные фотоотпечатки представлены на сайте библиотеки: Americans in the Land of Lenin: Documentary Photographs of Early Soviet Russia // Digital collection of Duke University Libraries. URL: <http://library.duke.edu/digitalcollections/esr/> (дата обращения: 21.04.2023).

производственная иерархия государственного снабжения, которая начала формироваться в предшествующие годы. В апреле 1929 г. в Казани были введены заборные книжки (книжка с талонами на получение нормированных товаров) для трех категорий граждан: к первой относились рабочие фабрично-заводских предприятий, которым ежедневно полагалось по 800 г хлеба; ко второй – служащие остальных учреждений и предприятий с установленным хлебным пайком в 600 г; к третьей – иждивенцы, обеспечиваемые хлебом из расчета 300 г на человека¹⁶. В последующие месяцы указанные нормы сокращались, состав категорий обновлялся. Заборные книжки не полагались тем, кто был лишен избирательных прав.

Феттер стал свидетелем последствий перехода от НЭПа к нормированию и карточкам и испытал на себе повседневные тяготы казанцев. Во время его визита (летом 1930 г.) карточная система распространялась не только на хлеб, но и на основные продукты питания, непродовольственные товары¹⁷. Вот как об этом в письме говорил сам экономист:

Определенную продукцию мы покупаем в кооперативах на хлебные карточки, и каждый день или я, или мой домовладелец получаем на них так много хлеба, и каждый месяц я получаю так много сахара, табак, пшено и другие крупы. Чай и несколько других продуктов приобретаются по хлебным карточкам. Ты получаешь в ограниченном количестве за фиксированную цену 800 грамм хлеба в день (1¾ фунта), 2 цента за фунт настоящего черного хлеба¹⁸. (Здесь и далее перевод наш. – Р. А.)

Подобная оценка количества («так много») выдаваемого хлеба и сахара была связана с тем, что Феттер обладал карточками 1-й категории. После регистрации в органах внутренних дел он получил их в КЦРК.

С первых дней пребывания в Казани Феттер старался разобраться в распределительной системе. В своих заметках он зафиксировал три категории населения и установленные для них нормы потребления товаров: 1 категория (800 г хлеба ежедневно, 1 кг сахара ежемесячно) – рабочие и специалисты; 2 категория (600 г хлеба ежедневно, 800 г сахара ежемесячно) – [?] рабочие; 3 категория (300 г хлеба ежедневно, 600 г сахара ежемесячно) – студенты и

¹⁶ Постановление президиума Казгорсовета О заборных книжках 4 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. № 16. Казань: [б. и.], 1929. С. 249–252.

¹⁷ См. подробнее: Малышева С.Ю. Триста граммов хлеба и ватник по ордеру: карточная система в Казани // Родина. 2005. № 8. Специальный выпуск. С. 130–133.

¹⁸ Letter to Mother. July 21, 1930 // FWFP. Box 51. Travel. Russia Correspondence. 1930. June–September. P. 4.

пожилые люди¹⁹. В них же отмечалась принадлежность знакомых казанцев к одной из указанных категорий, их место работы и зарплата. В отдельных случаях сведения приводили его в замешательство и не позволяли составить полную картину о принципах снабжения населения, что отражает следующая запись:

...[Дельвиг] (Уточнение наше. – Р. А.) говорит мне, что у нее нет хлебной карты, поскольку она не официально нанятая учительница. Это показалось мне странным, так как она преподает на фабрике. Мне никогда не удавалось получить достаточно четкое представление в отношении хлебных карточек для учителей или сапожников. Некоторые люди говорили мне, что у сапожника, нанятого в частном порядке, есть хлебная карточка, а другие – нет²⁰.

Наблюдая за ситуацией с карточками, Феттер в дневнике высказал свое мнение относительно предпринимаемых мер:

Энергии и времени, которые уходят на регулирование этих хлебных карточек, было бы достаточно для увеличения количества продуктов питания, чтобы накормить Россию²¹.

Особое внимание Феттер уделял одному из главных проявлений введенной системы в условиях товарного дефицита – очередям. Он фиксировал даже такие нюансы, как примерное количество людей и продолжительность пребывания в очереди (например, из его записей следует, что 12 июля миссис Гаркави провела три часа в очереди за хлебом, а зимой ситуация обострялась еще хуже: люди становились в очередь в два часа ночи)²². По мнению Феттера, время ожидания увеличивалось из-за установленного порядка продажи товаров. Покупатель должен был сначала отстоять одну очередь для выбора товаров, затем перейти в очередь в кассу для его оплаты, а потом вернуться в первую и получить свой товар²³. Данный порядок действий не гарантировал покупки необходимого товара, поскольку в распоряжении кооперативов находился весьма скудный товарный фонд, которого не хватало на всех. Соседи иногда

¹⁹ Running notes. July 13, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 41.

²⁰ Journal of European Trip. July 29, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 90.

²¹ Там же. P. 90.

²² Running notes. July 13, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 41.

²³ Journal of European Trip. July 28, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 80.

жаловались Феттеру, что они платили за товар, но не могли его получить²⁴. Авторы газеты «Красная Татария» тоже выступали с критикой работы КЦРК²⁵. Они регулярно писали о проблеме очередей, иногда иллюстрируя заметки фотографиями. Предпринимаемые в городе меры – увольнение заведующих магазинами и продавцов «за нераспорядительность и создание очередей» – не помогали. На страницах газеты предлагалось «изжить» хлебные очереди за счет «переброски продавцов фруктовых и мануфактурных магазинов в виду отсутствия товаров в хлебные ларьки»²⁶. Приведенная цитата наглядно иллюстрирует наличие товарного дефицита в торговой сети Казани.

Очереди стали излюбленным объектом съемки Феттера. Он фотографировал их с разных ракурсов, тем самым собирая информацию о численности и половозрастной структуре (см. рис. 1).

Рис. 1. Очередь за хлебом в кооператив около нашего дома. Казань, 22 июля
Источник: Библиотека редких книг и рукописей им. Дэвида М. Рубенштейна Дюкского университета, коллекция документов Франка Уитсона Феттера, esrph040011820
URL: <https://idn.duke.edu/ark:/87924/r3vx06j2g>

²⁴ Running notes. July 18, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 47–48.

²⁵ А. П. Снять плесень с кооперативного аппарата // Красная Татария. 1930. 17 июля. С. 3.

²⁶ Наши вопросы КЦРК // Красная Татария. 1930. 12 июля, 14, 16 августа. С. 1.

Размышления об очередях приводили Феттера к определенным выводам не только об экономической системе, но и о гендерной ситуации:

Между прочим, несмотря на все разговоры о равенстве мужчин и женщин, я считаю, что женщины здесь составляют значительную, если не большую долю участия в домохозяйстве, чем женщина в Соединенных Штатах. Я бы оценил, что от 80 % до 95 % людей, которые стоят в очереди за хлебом, это женщины²⁷.

Скоротать время в очередях Феттеру помогали профессиональный интерес и юмор. В письме матери он дает следующее пояснение:

Время от времени кооперативы выдают ограниченное количество конфет по разумным ценам, но если покупать конфеты на свободном рынке, то их обычная цена 6 центов... Когда появляется новость, что кооперативы выдают конфеты, выстраивается большая очередь...²⁸

В случае, упомянутом в данном письме, Феттер смог купить конфеты, лишь отстояв длинную очередь, «ценой мученической крови согласно марксизму»²⁹. По-видимому, размер очереди настолько его впечатлил, что он посвятил ей три кадра, сделанных с разных ракурсов (см. рис. 2).

---

²⁷ Journal of European Trip. July 30, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 93.

²⁸ Letter to Mother. July 21, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 6.

²⁹ Letter to Mother. July 21, 1930. P. 7.

Рис. 2. Очередь за конфетами. Казань, 19 июля

Источник: Библиотека редких книг и рукописей им. Дэвида М. Рубенштейна Дюкского университета, коллекция документов Франка Уитсона Феттера, esrph04001168

URL: <https://idn.duke.edu/ark:/87924/r36t0hc1j>

Надпись на обороте одного из фотоснимков проясняет причину высокого спроса – конфеты поступили в продажу впервые за долгое время. В другом случае, произошедшем примерно спустя неделю, очередь была небольшой, на что Феттер отреагировал столь же иронично:

...мы вышли из магазина меньше чем через десять минут, вероятно, это общероссийский рекорд 1930 года в скорости совершения покупки в кооперативе³⁰.

Феттер обращал пристальное внимание на ассортимент товаров и отмечал дефицит отдельных категорий. Предложение не удовлетворяло потребности покупателей: «...у ближайшего кооператива была длинная очередь... Как и все остальные, он был забит людьми, а полки были заполнены меньше, чем наполовину»³¹. Ненормируемые продукты – конфеты, масло, яйца –

³⁰ Journal of European Trip. July 28, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 80.

³¹ Journal of European Trip. July 29, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 90.

отсутствовали на прилавках кооперативов неделями, а то и месяцами: «Бабушка говорит, что масло, которое она получила на днях, появилось впервые с 1 мая – революционного праздника, как и яйца»³². Когда такие товары поступали, они также продавались согласно установленным нормативам. В записках Феттера читаем:

Мы получили пять яиц [на человека] – каждое за 6,5 копеек (3,25 центра), и 800 грамм (2 российских фунта) [хлеба] за 1,28 руб. за фунт (64 цента). Это включает 200 грамм для Майкла [Михаила Гаркави] и меня, у кого первая категория [хлебных карточек], и 100 грамм для других четверых, у кого третья категория. Я не понял, на какой это срок³³ (Здесь уточнения наши. – Р. А.).

Феттер довольно быстро пришел к выводу, что ни одна семья не может выжить только за счет того, что предоставляют кооперативы.

Важным элементом в продовольственном снабжении жителей Казани оставался рынок, несмотря на свертывание частного предпринимательства и введение ограничений на продажу своей продукции колхозами и единоличными трудовыми хозяйствами. На рынке можно было приобрести товары, которые практически не выдавались по карточкам: мясо, молоко и т.д. В письме Феттера к матери читаем:

...многие овощи, и сахар, и хлеб покупаются сверх квоты, если вообще покупаются, на «свободном рынке» по таким ценам, что... глаза выходят из орбит. <...> Цены на свободном рынке меняются очень быстро³⁴.

Типичная фраза продавцов при объявлении стоимости продуктов – «возьми или оставь»³⁵.

В письмах к родным Феттер сетовал на то, что в Казани невозможно нигде купить или достать многие продукты: «Я изредка беру на десерт немного шоколада из Германии, но если бы я знал, что здесь его так тяжело достать, сделал бы побольше припасов»³⁶. Он ежедневно посещал торговые места и

³² Journal of European Trip. July 29, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 90.

³³ Journal of European Trip. July 23, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 44.

³⁴ Letter to Mother. July 21, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 7.

³⁵ Journal of European Trip. July 28, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 79.

³⁶ Letter to Mother. July 21, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 4–5.

скрупулезно вел записи о наличии и стоимости продуктов. Феттер побывал на больших городских базарах (Рыбнорядском, Толкучем, Пушкинском) и продуктовых рынках у дома. Он регулярно совершал утренние прогулки до маленького рынка на ул. Федосеевской. По его подсчетам, к восьми часам утра на нем собиралось около 30–40 человек. На фотографиях Феттера можно увидеть продукцию, которая привозилась из ближайших крестьянских хозяйств: молоко, яйца, ягоды, фрукты и др. (см. рис. 3).

Рис. 3. Продажа молока (пожилой мужчина). Казань, 22 июля

Источник: Библиотека редких книг и рукописей им. Дэвида М. Рубенштейна Дюкского университета, коллекция документов Франка Уитсона Феттера, esrph040012510

URL: <https://idn.duke.edu/ark:/87924/r3mw28v8g>

В качестве стоек для продажи и демонстрации товаров использовались табуретки и деревянные ящики, к которым крепились коромысловые весы. Другим популярным способом являлась торговля с телеги. У одной из торговек Феттер прояснил детали ее деятельности. В два часа ночи она отправлялась на противоположный берег р. Волги в с. Верхний Услон для закупки фруктов у крестьян по стоимости 20 руб. за пуд³⁷. Возвращаясь, женщина покупала овощи

³⁷ В Казани метрическая система мер была введена 1 октября 1925 года, но еще несколько лет параллельно использовалась прежняя система мер. См.: Постановление о введении метрической системы в промышленности и торговле ТССР 16 июля 1925 г. // Собрание

с крестьянских подвод на волжском побережье Казани, а затем на рынке перепродавала продукты горожанам³⁸.

В одном из писем к матери Феттер описывает главное экономическое событие недели – воскресный рынок под стенами Гостинодворской церкви: «Там, где у маленькой церкви собираются пожилые, в воскресенье немного больше людей, чем в другие дни. Все собираются на рынок, многие крестьяне приезжают на него»³⁹. Речь идет о Толкучем рынке, известном также как «Толчок», или «Толкучка». Это место являлось одной из старейших торговых точек Казани. Фотографии Феттера визуализируют заметки о визите в это место. Панорамные снимки показывают специфику расположения рынка – «церкви по обе стороны», и демонстрируют его высокую посещаемость – «по меньшей мере пара сотен человек»⁴⁰. Здесь можно было не только запастись продовольствием, но и приобрести товары бытового назначения, непериодические издания, текстиль и др. Зоркий взгляд исследователя выделил среди продавцов группу «бывших» людей, которые в заметках упомянуты как «несколько человек, которые знали лучшие дни»⁴¹. От своей учительницы Екатерины Зыбиной Феттер узнал, что на этом рынке представители ликвидированной как класс буржуазии распродавали свои вещи. На фотографиях можно увидеть продажу граммофонов и пластинок с музыкальными произведениями английских, французских и австрийских композиторов. На них также запечатлено предоставление различных услуг, в том числе работа ремесленников с металлом.

Заметки и фотографии свидетельствуют о том, что на Рыбнорядском рынке (Мясные ряды) Феттер проявил наибольший интерес к продовольственному ассортименту:

...в квартале между «кольцом» и рынком было полдюжины или более очередей людей, ожидающих открытия разных кооперативов. <... > Рынок занимает акр или более того и переполнен людьми. За исключением нескольких маленьких укрытий на одной стороне улицы все они были на открытом воздухе. Кроме хлеба были представлены свежие сельскохозяйственные продукты, главным образом, молоко, масло, яйца, мясо, картофель, понемногу зелени и рыбы. Я не помню, чтобы видел консервы или «колониальные» изделия, домашнюю птицу, свинину. По

узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. Казань: [б. и.], 1925. № 29. С. 337–339.

³⁸ Running notes. July 19, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 49.

³⁹ Letter to Mother. August 2, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 3.

⁴⁰ Running notes. July 20, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 53.

⁴¹ Там же. P. 54.

моим наблюдениям, все цены были практически одинаковыми и мало отличались у разных продавцов. Цены были высокими: сливочное масло от 3,20 руб. до 4,00 руб. за фунт (400 г), картофель 15 коп. за фунт, молоко 1,00 руб. за бутылку (около 3 литров) (Уточнения Феттера. – Р. А.), говядина 1,30 руб. за фунт, печень 60 коп. за фунт. Лук, казалось, был самым дешевым товаром – 20 копеек за пучок»⁴².

На фотографиях зафиксированы картофель, репа, яблоки, капуста, хлеб, молоко и самогон. Феттер наблюдал и за поведением участников торговых сделок – продавцов и покупателей. Особенно внимательно он следил за осуществлением процесса купли-продажи – взвешиванием и отпуском товара. Ему удалось поймать объективом камеры момент расчета и даже зафиксировать места хранения денег у покупателей (женская сумка, кошелек, платок и т.д.). Некоторые люди вызывали у него сопереживание из-за своего внешнего вида: «здесь были по-настоящему патетические персонажи, поскольку они вытаскивали рубли из платков для покупки молока и картофеля»⁴³.

В кадр к Феттеру попали и практически полунищие обитатели рынка, в том числе дети (см. рис. 4).

⁴² Journal of European Trip. July 28, 1930 // FWFP. Box 6. Calendars, Diaries and Journals. 1930. P. 78.

⁴³ Там же. P. 78.

Рис. 4. Пение и попрошайничество мальчиков. Казань, 2 августа

Источник: Библиотека редких книг и рукописей им. Дэвида М. Рубенштейна Дюкского университета, коллекция документов Франка Уитсона Феттера, esrph040011970
URL: <https://idn.duke.edu/ark:/87924/r3jm23w70>

На многих фотографиях они сняты со спины, и их вид выдает явную бедность. Внимание, конечно, привлекает и обувь казанцев, попавших в кадр Феттера. Мужчины обуты в сапоги, женщины – в легкие полуботинки, туфли или тапочки, а дети и подростки в большинстве случаев босые. Объясняется это тем, что нормирование коснулось не только продовольствия. Еще до официального введения карточек на промышленные товары в марте 1929 г. в порядке эксперимента в Казани появились товарные абонементы на мануфактуру. В апреле дефицитные товары – хлопчатобумажную мануфактуру, шерстяные ткани, кожаные изделия, галоши и некоторые другие – было решено отпускать только членам Центральной рабочей кооперации, инвалидам и пенсионерам. В результате возможность приобрести новую одежду и обувь теперь была не у всех жителей города, более того, этих товаров не хватало и владельцам карточек. В письме к коллеге Феттер поделился наблюдениями об отсутствии поставок обуви в кооперативы, что поразило его в связи с надвигающейся осенней непогодой. Особенно тяжело обстояла ситуация с обувью для детей – ее невозможно было достать: даже в «достаточно

обеспеченных семьях... детям приходится ходить босиком, потому что нельзя купить обувь»⁴⁴.

В своих записках Феттер фиксировал и реакцию населения на складывавшуюся в городе продовольственную ситуацию. В разговорах часто звучали жалобы на дефицит товаров, высокие цены и длинные очереди. Недовольство вызывало и низкое качество продаваемых продуктов, одной из причин которого являлось антисанитарное состояние торговых мест. Заметки о наличии большого количества мух в кооперативах и рынках и отсутствии санитарного контроля часто встречаются в материалах Феттера. Однако ему, как и другим покупателям, приходилось мириться с этим: «...мухи роились над мясом, которое мы вынуждены были покупать, чтобы не умереть от голода»⁴⁵.

Обстановка серьезно осложнялась из-за ситуации с оборотом денежных средств. Одной из важных проблем этого периода стала нехватка металлических денег. Во-первых, при отсутствии металлических монет продавцу было затруднительно выдать сдачу, а покупателю приобрести товар, поскольку ему приходилось либо переплачивать, либо отказываться от покупки:

Был большой дефицит мелочи, и я слышал «мелких денег нет» буквально десятки раз, и продажи срывались, потому что не было сдачи. Я заметил тенденцию, что рубль или его кратные становятся единицей торговли картофелем и мясом⁴⁶.

Подобные проблемы возникали и в кооперативах, и на рынках. Во-вторых, крестьяне меняли цену на свой товар в зависимости от способа оплаты. Например, при оплате монетами бутылка молока стоила 1 руб. 50 коп., а при оплате бумажными деньгами – 1 руб. 70 коп. В свою очередь, покупатели угрожали продавцам милицией, если те отказывались брать бумажные деньги или выдавать сдачу. Феттер не раз становился свидетелем стычек между покупателями и продавцами, которые заканчивались лишь благодаря сотрудникам милиции. Ситуация с оборотом денежных средств доставляла неудобства не только при совершении покупок на рынке, но и при пользовании общественным транспортом. Так, если при оплате проезда пассажиру не могли выдать сдачу, он должен был покинуть вагон трамвая. Феттер связывал это с котировкой рубля, при которой серебро в монетах стоило намного дороже внешней стоимости денег. По мнению экономиста, ситуация с нехваткой в

⁴⁴ Letter to Samuel Northrup Harper. September 30, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 2.

⁴⁵ Journal of European Trip. July 28, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 79.

⁴⁶ Там же. P. 78–79.

обращении металлических денег была угрожающей⁴⁷. Исследователь многократно становился свидетелем «ворчаний» и даже начала «маленьких контрреволюций» из-за комбинации высоких цен и отсутствия сдачи⁴⁸. Чаще всего, по подсчетам Феттера, на казанских рынках звучали следующие слова и выражения: «скандал», «нет сдачи», «очень дорого»⁴⁹. Феттер стал свидетелем инфляции, вследствие которой развился кризис разменной монеты. Выпускаемые Государственным банком серебряные монеты мгновенно исчезали, оседая у населения в виде переплавленных слитков. Кроме перечисленных проблем, этот кризис нарушал валютные планы, так как монеты производилась из импортного сырья. В результате, в январе 1932 г. Политбюро приняло решение о начале выпуска никелевых и медных монет взамен серебряных⁵⁰.

Невзгоды, обрушившиеся на население страны, привели к его криминализации. Летние выпуски местной газеты за 1930 г. насыщены заметками о кражах. Воры взламывали ларьки КЦРК, похищая товары и деньги. В дома и квартиры они проникали через форточки. Жертвой грабителей можно было стать даже на улице, лишившись при нападении ценных вещей и даже одежды. Согласно газетным сводкам, раскрываемость преступлений была невысокой: за 22 июля зарегистрировано 14 краж, из них 4 раскрыто⁵¹; за 7 августа зарегистрировано 32 кражи, из них 9 раскрыто⁵². Записи Феттера свидетельствуют о переживаниях горожан в связи с участвовавшими кражами. В них упоминаются практики, направленные на сохранение своего имущества. Главная – не оставлять его без присмотра. Во время загородной поездки на Волгу сосед Феттера предпочел вернуться ночевать в Казань, чтобы уберечь свой дом. Впрочем, кражи осуществлялись и тогда, когда хозяева находились в доме, поэтому большинство горожан окна на ночь закрывали. Ранняя утренняя прогулка Феттера показала популярность этой меры:

... я не увидел открытых окон у кого-либо на нашей улице, за исключением нескольких домов, у которых были открыты маленькие форточки 2х4

⁴⁷ Journal of European Trip. July 24, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 53.

⁴⁸ Journal of European Trip. July 28, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 79.

⁴⁹ Там же. P. 79.

⁵⁰ См. подробнее: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 106–107.

⁵¹ Вульфсон Л. Происшествия // Красная Татария. 1930 (27 июля). С. 4.

⁵² Вульфсон Л. Происшествия. С. 4.

[фута] (Уточнение наше. – Р. А.). Но даже у домов с такими форточками, в большинстве случаев они не были открыты⁵³.

На основе личного опыта и оценочных суждений горожан Феттер сделал печальные выводы об уровне потребления. Многие жители Казани жаловались, что за несколько лет все стало значительно хуже. По примерным подсчетам экономиста, для того, чтобы два человека хорошо питались, им требовалось от 15 до 20 руб. в день, что значительно превышало реальные доходы населения:

Когда я вижу цены, вижу, как Гаркави, которые находятся на хорошем уровне доходной шкалы, вынуждены ограничивать потребление, я не понимаю, как человек с зарплатой от 60 до 80 рублей может свести концы с концами <...>. «Бабушка» подтверждает, что в настоящее время черный хлеб, чай с небольшим количеством сахара и картофель – это все, что может себе позволить рабочий. О покупке молока, масла и мяса не может быть и речи⁵⁴.

В 1929 г. промышленность была переведена на непрерывную рабочую неделю: четыре дня работали, пятый день отдыхали⁵⁵. Занятость рабочих на производстве увеличилась, однако зарплата, наоборот, сократилась. В начале 1930 г. правительство провело перетарификацию, согласно которой нормы выработки продукции были повышены, а расценки – понижены. В результате заработная плата сократилась в полтора–два раза. Средняя зарплата рабочих, что отметил и Феттер, составляла 60–90 руб. в месяц. Низкооплачиваемые группы работников получали 30–50 руб., наиболее высокооплачиваемые – порядка 180 руб. в месяц⁵⁶. В сложившихся условиях наличие хлебных карточек было чрезвычайно значимо. Феттер имел возможность получить реальное представление о тяжелом материальном положении тех своих знакомых казанцев, которые не являлись их обладателями. Например, недостаток денег и отсутствие хлебных карточек заставляли Зыбину распродавать вещи, чтобы купить хлеб. В одно из воскресений они вместе

⁵³ Journal of European Trip. July 31, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 97.

⁵⁴ Journal of European Trip. July 28, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 86.

⁵⁵ Постановление СНК СССР от 24 сентября 1929 г. «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. Москва: Управление делами СНК СССР и СТО, 1929. № 63. Ст. 586.

⁵⁶ О зарплатах рабочих см. подробнее: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 106–107.

ходили на базар для продажи золотой медали, врученной ей за преподавание французского языка в школе⁵⁷.

В своих июльских письмах Феттер весьма осторожно описывал крайне скудный рацион питания:

...еда так себе, но она сытная (питательная) <...> Здесь очень мало переживают о еде, и нет никаких признаков того, что дети голодают <...> Все русские, которых я встречал, более беззаботные и беспечные, чем я ожидал. Толпа русских больше похожа на столпотворение ищущих развлечений американцев, которое весьма точно охарактеризовал Уолтер Липпман фразой «масса свободных людей наполняла уличный рынок за углом»⁵⁸.

В дневнике, напротив, отмечена серьезная обеспокоенность многих людей по поводу сложившейся ситуации с едой, однако общая оценка сохраняется:

Я видел несколько групп молодых людей, которые хорошо проводили время. Несмотря на еду, ситуацию, которая беспокоит многих, молодые люди в России счастливы, и, насколько я могу судить, не испытывают недоедания⁵⁹.

Заключение

По наблюдениям Феттера, продовольственное положение в Казани в августе 1930 г. ухудшалось. В государственно-кооперативной торговле все чаще случались перебои в поставках, что вело к уменьшению количества товаров. В кооперативах редко продавалось что-либо помимо сахара, чая, хлеба и небольшого количества муки. Цены на свободном рынке стремительно росли: «Когда я уезжал из Казани, масло стоило пять рублей за фунт, а мясо около двух рублей за фунт, и то и другое было очень трудно достать даже за эту цену»⁶⁰. Все это вызывало ропот населения и свидетельствовало об усиливавшемся товарном дефиците. Главной причиной резкого ухудшения продовольственного снабжения стала насильственная коллективизация, начавшаяся осенью 1929 г. Она привела к сокращению сельскохозяйственного производства и обострению положения в деревне. Плачевные результаты развала крестьянского хозяйства городское население испытало уже весной и

⁵⁷ Running notes. July 20, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 53.

⁵⁸ Letter to Mother. July 21, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 5.

⁵⁹ Journal of European Trip. July 28, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 87.

⁶⁰ Letter to Samuel Northrup Harper. September 30, 1930 // FWFP. Box 1. General Correspondence 1930. P. 2.

летом 1930 г. Так, если в 1929 г. частник обеспечивал около половины снабжения овощами, то год спустя его доля в торговле упала до 5 %⁶¹. Таким образом, Феттер застал коренной перелом в экономической системе государства. Собранные им материалы помогают понять, как ситуация перелома отразилась на торговле и снабжении продовольствием жителей Казани. Именно в 1930 г., согласно выводам исследователей, был нанесен сокрушительный удар по частнику и рынку периода НЭПа⁶². В ноябре 1930 г. Наркомат внешней и внутренней торговли был реорганизован в Наркомат внешней торговли и Наркомат снабжения, что символизировало начало эры централизованного распределения. Параллельно с новой силой разворачивались коллективизация и раскулачивание.

⁶¹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 109.

⁶² Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 109.

Introduction

During the years of implementation of the first five-year plan, the flow of visitors from the United States to the Soviet Union increased. Researchers are most interested in the impressions of American correspondents, diplomats, artists, writers, cultural figures, and specialists and epy circumstances of their sojourn in the country.¹ However, until recently, the materials collected by the American economists who came the USSR as part of organized groups for a short period of time or individually for a long time, have been beyond the scope of scholarly attention.² In the former case visits were limited to trips to the settlements and facilities that were included in the list of specially designed destinations for foreigners.³ In the latter case there was an opportunity to deviate from the approved itinerary and to collect more diverse data for research work.⁴ Travels inspired individual scholars to become experts in the field of Soviet economics. Repeated lengthy trips contributed to the emergence of academic publications about the USSR.⁵ However, some foreign researchers were

---

¹ See I.I. Kurilla, *A Love-Hate Relationship: History of Opinions, Fantasies, Contacts, Mutual (Mis)understanding of Russia and the USA* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018); G.V. Lapina, *Americans in Moscow: 1930–1940* [in Russian] (Moscow: Litfakt, 2022); J.L. Mickenberg, *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream* [in Russian], trans. T. Azarkovich (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023); K.T. Tikhii, *Americans about the Soviet Union, 1921–1933* [in Russian] (Vladivostok: Dal'nauka, 2000); B.M. Shpotov, *American Business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: Labyrinths of Economic Cooperation* [in Russian] (Moscow: Librokomp, 2012); A.M. Etkind, *Interpretation of Travels. Russia and America in Travelogues and Intertexts* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022); et al.

² The book by P. Filene is an exception. It briefly presents the views of American economists on the first five-year plan. P.G. Filene, *Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967), 198–200.

³ For example, in 1930, the newspaper *Krasnaya Tatariya* reported on the trip of a group of 30 American economists to Stalingrad to get acquainted with the Stalingrad Tractor Plant construction site. See L. Vul'fon, "In Two Lines" [in Russian], *Krasnaya Tatariya*, July 31, 1930, 4.

⁴ Documents from the State Archive of the Russian Federation contain information about long-term research visits of American professors of economics L. Reese, C. Hoover, J. Condliffe, R. Broda and others. See "Otchet o rabote anglo-amerikanskogo sektora za period oktyabr' 1929 – oktyabr' 1930" [Report on the work of the Anglo-American sector for the period October 1929 – October 1930]. F. 5283, op. 3, d. 74, l. 4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia; "V inostrannyi otdel AOMSa" [To the foreign department of the AOMS]. F. 5283, op. 3, d. 42, l. 221. GARF; "Svedeniya o naibolee vydayushchikhsya amerikantsakh, posetivshikh SSSR s maya 1931 g. po mai 1932 g. i svyazannykh s VOKSom" [Information about the most prominent Americans who visited the USSR from May 1931 to May 1932 and were associated with the VOKS]. F. 5283, op. 8, d. 104, l. 5. GARF.

⁵ See, e.g., C.B. Hoover, *The Economic Life of Soviet Russia* (New York: The Macmillan company, 1931); etc.

unable to fulfill their professional ambitions in this area for various reasons and were forced to change the thematic vector. As a result, the material they collected was not in demand. Its introduction into scholarly discourse will help complement the picture of the economic situation in the Soviet regions in the late 1920s – early 1930s. This article is aimed at filling the gap that exists in the study of this area of life in the Soviet Union. It presents the results of the analysis of unpublished written and visual documents concerning trade and food situation in Kazan in 1930, produced by American economist Frank Whitson Fetter (1899–1991).

Main body

Frank Whitson Fetter received his PhD in economics at Princeton University in 1926. At the same time his initial understanding of the Soviet Union was formed through his participation in a finance commission headed by economist Edwin Kemmerer in Poland. Direct acquaintance with the country occurred two years later, in 1928, when Fetter completed his work in the financial commission in Latvia and chose an unusual route to return to the USA, through the USSR. Probably, the transit trip along the Trans-Siberian Railway led to the awakening of research interest in the Soviet Union. Having become an assistant professor at Princeton University by the beginning of 1930, Fetter decided to make a targeted trip to the country that interested him. The American researcher indicated study of the Russian language and the history of monetary circulation starting from 1914 as the main purpose of the visit in his visa application.⁶ At the end of June, he arrived in the USSR, hoping to spend the summer in the suburbs of Moscow, but by accident he found himself in Kazan.

The movements of foreign tourists across the territory of the Soviet Union during that period were not yet strictly regulated. The activities of Intourist were in their infancy, and the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS) switched to hosting distinguished guests. Kazan was not among the cities that were closed to foreign tourists. Periodicals intended for foreign readership regularly published materials about Kazan and Tatar culture.⁷ However, there was no

---

⁶ "Letter to Visa Department of the People's Commissariat, March 26, 1930." *Box 1, General Correspondence, 1930, p. 1. Frank Whitson Fetter Papers (FWFP), David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University.*

⁷ Special number on the Tatar Republic, *Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries*, no. 23–25 (1927); M. Prigunov, "The Tartar Theater," *Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries*, no. 14–15 (1928): 10–11; N. Vorobyev, "Local Research in the Tartar Soviet Republic," *Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries*, no. 24–25 (1928): 12–13; "Fifty-First Anniversary of the Kazan Scientific Society," *Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries*, no. 7–8 (1929): 15; "Tatar Literature," *Weekly News Bulletin of the USSR Society of Cultural Relations with Foreign Countries*, no. 39–40 (1929): 7–8; "Kazan", *USSR in Construction: Illustrated Monthly Magazine*, no. 3 (1933): 18–21.

plan to turn Kazan into a tourist center, which is why there were no Intourist's facilities (hotels, vehicles, restaurants, etc.) in the city. Its seasonal agencies operated only from June 1 to October 1 due to the river cruise navigation schedule.⁸ In the 1930s, only the tours that included a cruise along the Volga offered short visits to Kazan.⁹ A longer stay of foreign tourists in the city was not intended. According to the General Instructions, individual tours were to be specially designed and to include the destinations that were listed as recommended and had the Intourist's facilities.¹⁰ Thanks to the connections of American researcher Samuel Harper who studied the USSR, Fetter managed to deviate from the standard routes for foreigners and spend six weeks in Kazan.¹¹ Only after a close acquaintance with the capital of the Autonomous Tatar Soviet Socialist Republic (ATSSR) and its suburbs, he started his way along the itinerary recommended for foreign tourists – on a cruise down the Volga and a trip to the cities of the Caucasus.

Being an economist, Fetter paid special attention to trade and food situation in Kazan. One of his main methods of data collection was participant observation. He visited trading places every day and recorded the phenomena and events he observed: the behavior of sellers and buyers, lines, range of goods, price dynamics, sanitary conditions, and the structure of private markets and establishments of the state cooperative trading network. Another Fetter's method was conducting interviews. His main respondents were members of the Semon family (the owners of the apartment where he was staying), the Garkaveeva and Bryuno families (their neighbors), and his Russian language teacher Ekaterina N. Zybina.¹² Communication with these people was greatly facilitated by the fact that they could speak foreign languages. As Fetter improved his skills in Russian lessons, he was also able to exchange brief remarks with other citizens and peasants who came to the markets and to capture the essence of conversations between them. To systematically record the information obtained during observations and conversations, he took daily notes. In addition, Fetter turned to visual methods of recording the objects that interested him – he took photographs and made video recordings. Information about the shooting was recorded in a

---

⁸ *General Instructions for Servicing Foreign Tourists in the USSR* [in Russian] (Moscow: Inturistskoe otdelenie pechati, 1936), 71.

⁹ See, e.g., *General Instruction for Servicing Tourists and Clients Paying Foreign Currency* [in Russian] (Moscow: Tipo-litografiya im. Vorovskogo, 1934), 67–68; *General Instruction for the Acquisition of Foreign Tourists* [in Russian] (Moscow: Iskra revolyutsii, 1935), 8, 10–11; *General Instructions for Servicing Foreign Tourists in the USSR*, (1936), 78–79, 82–83; *General Instructions for Servicing Foreign Tourists in the USSR* (Moscow: Inturist, 1937), 20–21; "Intourist," *Company for Foreign Travel (USSR). Volga* (Moscow: Intourist, 1938), 7–9; et al.

¹⁰ *General Instructions for Servicing Foreign Tourists in the USSR*, (1937), 29.

¹¹ For more, see R.O. Abilova, and T.P. Krasheninnikova, "Frank Whitson Fetter's Kazan Addresses" [in Russian], *Gasyrlar avazy – Ekho Vekov*, no. 1 (94) (2019): 58–76.

¹² For more, see Abilova and Krasheninnikova, "Frank Whitson Fetter's Kazan addresses."

separate notebook.¹³ It indicated the dates they were taken, comments about the place and event, number of the film, and camera settings. Based on the data collected in the field, Fetter made detailed notes in his journal, to which he added evaluative judgments, both economic and emotional (witty quotes and comparisons).¹⁴ The methods used made it possible to obtain a preliminary understanding of the economic situation in the USSR and formulate problems for further research work. After returning to the United States, Fetter began the analytical stage of his research, associated with the interpretation of the collected material: he formulated conclusions about the condition of the Soviet economy in letters to his colleagues, prepared a research proposal, selected and edited photographs, made transparencies, edited a film. However, Fetter did not receive support to continue work in the USSR and was forced to switch to studying the economies of other countries. That is why the material he collected in Kazan was not introduced into scientific circulation. Currently, a significant part of it is stored in David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library at Duke University.¹⁵

Visual and written documents created by Fetter represent the state of trade and food situation in Kazan during the transition era when the New Economic Policy ended and the first five-year plan began. More than fifty of his photographs reflect this topic. We can see the private grain trade of M. Timofeeva and the stalls of the Kazan Central Workers' Cooperative (KTsRK). Rationing system was in effect in the USSR during that time: in order to purchase a scarce product, it was necessary not only to pay money but also to provide a special coupon that allowed its purchase. The country deepened the geographical and social-production hierarchy of state supply, which began to take shape in previous years. In April 1929, ration books (a book with coupons for receiving rationed goods) were introduced in Kazan for three categories of citizens. The first category included factory workers, who were rationed 800 g of bread daily; the second category consisted of employees of other institutions and enterprises with an established bread ration of 600 g; the third category included dependents who were provided with bread at the rate of 300 g per person.¹⁶ During

---

¹³ "Camera settings." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930. FWFP.

¹⁴ "Journal of European Trip." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930. FWFP.

¹⁵ The film is in a private collection. Photographs (control prints and photographic prints) are stored in David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University. *Photographs. Russia. 1930. Box 56, Pictures, 1909–1988, undated (bulk 1930).* FWFP. Digitized photographic prints are presented on the library website: "Americans in the Land of Lenin: Documentary Photographs of Early Soviet Russia," Digital collection of Duke University Libraries, accessed April 21, 2023, <http://library.duke.edu/digitalcollections/esr/>

¹⁶ "Resolution of the Presidium of the Kazakh City Council On Ration-Books Dated April 4, 1929" [in Russian], *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the Autonomous Tatar Soviet Socialist Republic*, no. 16, 249–52 (Kazan: [n.p.], 1929).

subsequent months, the rations were reduced and the composition of the categories was updated. Ration books were not given to those who were deprived of voting rights.

Fetter witnessed the consequences of the transition from the NEP to rationing system and experienced the daily hardships of Kazan residents. During his visit (in the summer of 1930), the rationing system extended not only to bread but also to staple foods and nonfood products.¹⁷ This is how the economist wrote about it in a letter:

Certain thing we get at the cooperatives on bread cards and every day I get or my landlord gets for so much bread, and, each month I get so much sugar, tobacco, and, wheat and, some other cereal. Tea, and a few other things are bought on bread cards. You only get a limited amount and, the price is fixed – 800 grams of bread a day (1 ¾ lbs), at about 2 cents for the real black bread.¹⁸

Such an assessment of the quantity (“so much”) of bread and sugar rations was due to the fact that Fetter was in possession of the cards of the 1st category. After registering with the internal affairs bodies, he received them from the KT_{SRK}.

From the first days of his stay in Kazan, Fetter tried to understand the distribution system. In his notes, he recorded three categories of the population and the standards for consumption of goods established for them: Category 1 (800 g of bread daily, 1 kg of sugar monthly), workers and specialists; Category 2 (600 g of bread daily, 800 g of sugar monthly), [?] workers; Category 3 (300 g of bread daily, 600 g of sugar monthly), students and elderly people.¹⁹ He also noted the categories, place of work, and salary of the Kazan residents he knew. In some cases, the information confused him and did not allow him to form a complete picture of the principles of supplying the population, as reflected in the following entry:

She [Delvig] (Clarification added. – R. A.) tells me that she does not have a bread card as she is not a [?] employed teacher. This seemed strange to me, as she is teaching in a factory. I’ve never been able to get quite straight the statics as regards bread cards as a teacher or a shoemaker. Some people have told me that a self-employed shoemaker would have a bread card, other that he wouldn’t.²⁰

---

¹⁷ For more, see S.Yu. Malysheva, “Three Hundred Grams of Bread and a Cotton Wadded Jacket by Order: Card System in Kazan” [in Russian], special issue, *Rodina*, no. 8 (2005): 130–33.

¹⁸ “Letter to Mother. July 21, 1930.” Box 51, Travel. Russia Correspondence, June–September 1930, p. 4. FWFP.

¹⁹ “Running notes. July 13, 1930.” Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 41. FWFP.

²⁰ “Journal of European Trip. July 29, 1930.” Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 90. FWFP.

Observing the situation with the cards, Fetter expressed his opinion on measures taken in his journal:

The energy and time that goes into the regulation of these bread cards would raise enuf [sic] food to feed Russia.²¹

Fetter paid special attention to queues, one of the main manifestations of the introduced system in conditions of commodity shortages. He even recorded such nuances as the approximate number of people and the length of time they spent in line (for example, it follows from his records that Mrs. Garkavi spent three hours in line for bread On July 12, and in winter the situation was even worse: people lined up at two in the morning").²² According to Fetter, waiting time increased because of the established order of selling goods. The buyer had to stand in one line to select goods first, then to go to the checkout line to pay for it, and then to return to the first line to receive the goods.²³ This procedure did not guarantee the purchase of the necessary goods, since the cooperatives had at their disposal a very meager stock of goods, which was not enough for everyone. Neighbors sometimes complained to Fetter that they had paid for goods but could not receive them.²⁴ The authors of the *Krasnaya Tatariya* newspaper also criticized the work of the KTsRK.²⁵ They regularly wrote about the problem of the queue, sometimes illustrating their notes with photographs. The measures taken in the city (the dismissal of store managers and salespeople "for lack of management and creating queues") did not help. In the pages of the newspaper, it was proposed to "eliminate" bread lines by "transferring sellers of fruit and textile stores to bread stalls due to the lack of goods."²⁶ The above quote clearly illustrates the presence of a commodity shortage in the Kazan trade network.

Queues became Fetter's favorite subject for photography. He photographed them from different angles, thereby collecting information about the number of the people there and their age-sex structure (see Fig. 1).

---

²¹ "Journal of European Trip. July 29, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 90. FWFP.

²² "Running notes. July 13, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 41. FWFP.

²³ "Journal of European Trip. July 28, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 80. FWFP.

²⁴ "Running notes. July 18, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 47–48. FWFP.

²⁵ A. P., "Remove Mold from the Cooperative Apparatus" [in Russian], *Krasnaya Tatariya*, July 17, 1930, 3.

²⁶ "Our questions to KTsRK" [in Russian], *Krasnaya Tatariya*, July 12, August 14, 16, 1930, 1.

Figure 1. Line up for bread at our cooperative near our house. Kazan, July 22

Source: Frank Whitson Fetter Papers, esrph040011820,

David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University

<https://idn.duke.edu/ark:/87924/r3vx06j2g>

Reflections on queues led Fetter to certain conclusions not only about the economic system but also about the gender situation:

Incidentally, despite the much talks of equality of men and women, I believe that as large, if not a larger proportion of the household [?] is done by woman here than in the United States. I would estimate that between 80% and 95% of the people who stand in line for bread are women.²⁷

Fetter's professional interest and humor helped him pass the time in queues. In a letter to his mother, he gives the following explanation of the situation with some goods:

Every now and, then the cooperative sells a limited amount of candy at a reasonable price, but if you buy candy in the open market it is 6 cents for a

²⁷ "Journal of European Trip. July 30, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 93. FWFP.

simple price. When the news gets around that the cooperatives are selling candy the lines form in a hurry. . .²⁸

In the case mentioned in this letter, Fetter was able to buy candies only after standing in a long line "at the cost of martyrdom according to Marxian dialectic."²⁹ Apparently, the length of the queue impressed him so much that he devoted three shots to it, taken from different angles (see Fig. 2).

Figure 2. Line up to candy. Kazan, July 19

Source: Frank Whitson Fetter Papers, esrph04001168,

David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University

<https://idn.duke.edu/ark:/87924/r36t0hc1j>

The inscription on the back of one of the photographs makes clear the reason for the high demand: candy was on sale for the first time in a long time. On another occasion, about a week later, the queue was short, to which Fetter responded equally ironically:

²⁸ "Letter to Mother. July 21, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 6. FWFP.

²⁹ *Ibid.*, p. 7.

Fortunately, only a few people were lined up for candy, so we got out of the store in less than 10 minutes, probably an all-Russian 1930 record, for speed in making a purchase in a cooperative.³⁰

Fetter paid close attention to the range of goods and noted the shortage of certain categories. The offer did not meet the needs of buyers: "When I first arrived a long line was waiting at the nearby cooperative, and after it opened I went in and, looked around. It was like all the others jammed with people and the shelves less than half full."³¹ Non-rationed products – candies, butter, eggs – were absent from the shelves of cooperatives for weeks, or even months: "Babushka says the butter she got the other day was the first appeared since May 1 – Revolutionary Holiday, and, the eggs were the first in some time."³² When such goods arrived, they were also sold according to established standards. In Fetter's notes, we read:

We got some 5 eggs each at 6 ½ kopecks (3 ¼ cents), and, 800 gram of butter (2 Russian pounds) at R 1.28 a lb (64 cents). This represented 200 gr, a price for Michael [Garkaveea] and, myself, who are in the first category [of bread cards], and, 100 grams for the other 4, who are in the 3d category. I didn't know long it is supposed to last us.³³ (Clarifications added. – R. A.).

Fetter quickly came to the conclusion that no family could survive solely on what cooperatives provided.

The market remained an important element in food supply of Kazan residents despite the curtailment of private entrepreneurship and the introduction of restrictions on the sale of their goods by collective and individual farms. At the market it was possible to purchase goods that were hardly ever available for cards: meat, milk, etc. In Fetter's letter to his mother, we read:

. . .most vegetables, and, sugar and, bread excessing of the quota are bought, it at all, in the "free market" at prices that make your eyes pop out. . . The prices in the "free market" change very quickly by from one day to the next.³⁴

---

³⁰ "Journal of European Trip. July 28, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 80. FWFP.

³¹ "Journal of European Trip. July 29, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 90. FWFP.

³² Ibid.

³³ "Journal of European Trip. July 23, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 44. FWFP.

³⁴ "Letter to Mother. July 21, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 7. FWFP.

A typical phrase from sellers when announcing the cost of products was “take it or leave it.”³⁵

In letters to his family, Fetter complained that it was impossible to buy or get many products anywhere in Kazan: “I occasionally pick up a bite of desert and the small supply of chocolate from Germany, but if I’d know that it was so hard to get here I’d have made the supply much larger.”³⁶ He visited retail outlets daily and kept scrupulous records of the availability and cost of food products. Fetter visited large city market places (Rybnoryadskii, Tolkuchii, Pushkinskii) and food markets near his home. He regularly took morning walks to the small market in Fedoseevskaya Street. According to his calculations, about 30–40 people had gathered there by eight o’clock in the morning. In Fetter’s photographs one can see produce that was brought from nearby peasant farms: milk, eggs, berries, fruit, etc. (see Fig. 3).

Figure 3. Selling milk (elderly man). Kazan, July 22

Source: Frank Whitson Fetter Papers, esrph040012510,

David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University

<https://idn.duke.edu/ark:/87924/r3mw28v8g>

³⁵ “Journal of European Trip. July 28, 1930.” Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 79. FWFP.

³⁶ “Letter to Mother. July 21, 1930.” Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 4–5. FWFP.

Stools and wooden boxes, to which a pair of scales was fastened, were used as counters for selling and displaying goods. Another popular method was trading from a cart. Fetter asked a female trader about the details of her activities. At two o'clock in the morning she went to the opposite bank of the Volga to the village of Verkhny Uslon to purchase fruit from peasants at 20 roubles per pood.³⁷ On her way back, the woman bought vegetables from peasant carts on the Volga bank in Kazan and then resold the goods to the citizen at the market.³⁸

In one of the letters to his mother, Fetter described the main economic event of the week – the Sunday market under the walls of the Gostinodvorskaya Church: “. . . However, althou [sic] there seems to be little church going expect among the older people, Sunday is still a bit more of a crowdy day than other days. Bigger crowds turn out at the bother places and very few farms come in market.”³⁹ It concerns the Tolkuchii market also known as *Tolchok* or *Tolkuchka*. This place was one of the oldest retail outlets in Kazan. Fetter's photographs visualize his notes of the visit to that market. Panoramic photographs show the specific location of the market (“churches on both sides”) and demonstrate its high attendance (“couple thousand people at least”).⁴⁰ Here one could stock up on food supplies and also purchase household goods, non-periodicals, textiles, etc. The keen eye of the researcher identified among the sellers a group of the “former” people who were mentioned in the notes as “several people who had seen better days.”⁴¹ From his teacher Ekaterina Zybina, Fetter learned that the representatives of the bourgeoisie that was being liquidated as a class sold their belongings at that market. The photographs show the sale of gramophones and records of musical works by English, French, and Austrian composers. They also depict various services, including the work of artisans with metal.

Notes and photographs indicate that Fetter showed the greatest interest in the assortment of food at the Rybnoryadskii market (Meat Rows):

. . . in the block between the “circle” and, the market, a half of dozen or more lines of people, waiting for the various cooperatives to open. . . The market covers an acre or more, and, was crowded with people. With the exception of a

---

³⁷ The metric system was introduced in Kazan on October 1, 1925, but the previous system of measurement was still used in parallel for several more years. See “Resolution on the Introduction of the Metric System in Industry and Trade of the TSSR Dated July 16, 1925” [in Russian], *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the Autonomous Tatar Soviet Socialist Republic*, no. 29, 337–39 (Kazan: [n.p.], 1925).

³⁸ “Running notes. July 19, 1930.” Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 49. FWFP.

³⁹ “Letter to Mother. August 2, 1930.” Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 3. FWFP.

⁴⁰ “Running notes. July 20, 1930.” Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 53. FWFP.

⁴¹ *Ibid.*, p. 54.

few small shelters on one side of the street, everything was done in the open plot. The products, except for bread, were all fresh farm products, principally milk, butter, eggs, meat, potatoes, and a few green vegetables, and a few fish. I don't remember seeing any canned goods or "colonial" wares, or any poultry or porch. As far as I could observe all prices were fixed, and, there was little if any difference between the different sellers. Prices were high, butter from R3.20 to R4.00 a lb (400 gr), potatoes 15k a lb, milk R1.00 a bottle (about 3 litres) (Fetter's clarifications. – R. A.), beef R1.30 a lb, liver 60 k a lb. Onions seemed to be the cheapest things – 20 kopecks a bunch.⁴²

The photographs show potatoes, turnips, apples, cabbage, bread, milk, and self-distilled vodka. Fetter also observed the behavior of participants in trade transactions, both sellers and buyers. He especially carefully monitored the purchase and sale procedure: weighing and releasing goods. With his camera lens, he managed to capture the moment of payment and even captured where customers kept money (woman's bag, wallet, scarf, etc.). Some people aroused his empathy because of their appearance: "there were truly pathetic characters here, as they pulled roubles out of their scarves to buy milk and potatoes."⁴³

Fetter also captured the almost poverty-stricken inhabitants of the market, including children (see Fig. 4).

---

⁴² "Journal of European Trip. July 28, 1930." Box 6, Calendars, Diaries and Journals, 1930, p. 78. FWFP.

⁴³ Ibid.

Figure 4. Boys singing and begging. Kazan, August 2

Source: Frank Whitson Fetter Papers, esrph040011970,

David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University

<https://idn.duke.edu/ark:/87924/r3jm23w70>

In many photographs they are taken from the back, and their appearance betrays obvious poverty. The shoes of the Kazan citizens caught in Fetter's frame also attract attention. Men wore boots, women wore light low boots, shoes or slippers, and children and teenagers were mostly barefoot. It can be explained by the fact that rationing affected not only food. Even before the official introduction of cards for industrial goods in March 1929, commodity subscriptions for manufacture goods were introduced in Kazan as an experiment. In April, it was decided to sell scarce goods (cotton textiles, woolen fabrics, leather goods, galoshes and some others) only to the members of the Central Workers' Cooperation, to the disabled, and to pensioners. As a result, not all residents of the city now had the opportunity to purchase new clothes and shoes; moreover, cardholders also lacked these goods. In a letter to his colleague, Fetter shared observations about the lack of footwear supply to cooperatives, which struck him in connection with the oncoming autumn weather. The situation with footwear for children was especially difficult, it was impossible to get it and even in "in two families which were fairly well off as families go in Russia,

I heard the complaint that their children had to go barefoot because no shoes could be bought.”⁴⁴

In his notes, Fetter also recorded the population's response to the food situation in the city. Conversations often included complaints on shortages of goods, high prices, and long lines. Dissatisfaction was also caused by the low quality of the products sold, one of the reasons for which was the unsanitary condition of the trading places. Remarks about large numbers of flies in cooperatives and markets and the lack of sanitary control are often found in Fetter's materials. However, like other buyers, he had to accept that: “. . . Conditions were extremely unsanitary, and, the swarms of [?] didn't make me relish the meat I had for supper. But one must eat to live I had the typical buyers point view.”⁴⁵

The situation was seriously complicated by the situation with cash circulation. An important problem of that period was the shortage of metallic money. Firstly, in the absence of metallic coins, it was difficult for the seller to give change and for the buyer to purchase the goods, since he had to either overpay or refuse the purchase:

There was a great shortage of small change, and I heard “melki dengi net” literally dozens of times, and, a number of trades fell there because there was no charge. I noticed a tendency for a rouble or multiples thereof to become the unit of trade in potatoes and, meat.⁴⁶

Similar problems arose both in cooperatives and in markets. Secondly, peasants changed the price of their goods depending on the method of payment. For example, when paying with coins, a bottle of milk cost 1 rouble 50 kopecks, and when paying with paper money, 1 rouble 70 kopecks. In turn, buyers threatened sellers with militia if they refused to take paper money or give change. Fetter repeatedly witnessed clashes between buyers and sellers, which ended only thanks to the militia. The situation with cash flow caused inconvenience not only when making purchases at the market but also when using public transport. If a passenger could not be given change when paying the fare, he had to leave the tram car. Fetter associated that with the rouble quotation, at which silver in coins was much more expensive than the external value of money. According to the economist, the situation with the shortage of metallic money in circulation was a little threatening.⁴⁷ The researcher repeatedly

---

⁴⁴ “Letter to Samuel Northrup Harper. September 30, 1930.” Box 1, General Correspondence 1930, p. 2. FWFP.

⁴⁵ “Journal of European Trip. July 28, 1930.” Box 1, General Correspondence 1930, p. 79. FWFP.

⁴⁶ Ibid., p. 78–79.

⁴⁷ “Journal of European Trip. July 24, 1930.” Box 1, General Correspondence 1930, p. 53. FWFP.

witnessed grumblings and even the start of "small counter-revolutions" due to a combination of high prices and lack of change.⁴⁸ Most often, according to Fetter's calculations, the following words and expressions were heard at Kazan markets: "scandal", "no change", "very expensive".⁴⁹ Fetter witnessed inflation, as a result of which a crisis of small change developed. The silver coins issued by the State Bank instantly disappeared; they settled among the population in the form of melted down ingots. In addition to the problems listed above, that crisis disrupted currency plans, since coins were produced from imported raw materials. As a result, in January 1932, the Politburo decided to mint nickel and copper coins to replace silver ones.⁵⁰

The hardships that befell the country's population led to its criminalization. The summer issues of the local newspaper for 1930 are full of articles about thefts. Thieves broke into KTsRK stalls, stealing goods and money. They broke into the houses and apartments through the window frames. One could feel a victim of mugging in the street and lose valuables and even clothes during the attack. According to newspaper reports, the percentage of criminal cases solved was low: on July 22, 14 thefts were registered, of which 4 were solved;⁵¹ on August 7, 32 thefts were registered, of which 9 were solved.⁵² Fetter's records show the citizen's concerns about the increasing number of thefts. They mention practices aimed at preserving their property. The main thing was not to leave it unattended. During a country trip to the Volga, Fetter's neighbor chose to return to Kazan to spend the night in order to protect his home. However, houses were burgled even when the owners were inside, so most citizens closed their windows at night. Fetter's early morning walk showed the popularity of this measure:

. . . I saw not a window was open any place on our street, except for a few places that had the little 2x4 [feet] (Clarification added. – R. A.) window open. But most places didn't even have that open.⁵³

---

⁴⁸ "Journal of European Trip. July 28, 1930." Box 1, General Correspondence 1930, p. 79. FWFP.

⁴⁹ "Journal of European Trip. July 28, 1930." Box 1, General Correspondence 1930, p. 79. FWFP.

⁵⁰ For more, see E.A. Osokina, *Behind the Façade of "Stalin's Abundance": Distribution and the Market in the Supply of the Population during the Years of Industrialization. 1927–1941* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2008), 106–07.

⁵¹ L. Vul'fson, "Incidents" [in Russian], *Krasnaya Tatariya*, July 27, 1930, 4.

⁵² Vul'fson, "Incidents," 4.

⁵³ "Journal of European Trip. July 31, 1930." Box 1, General Correspondence 1930, p. 97. FWFP.

Based on personal experience and evaluative judgments of citizens, Fetter made sad conclusions about the level of consumption. Many residents of Kazan complained that over a few years everything had become much worse. According to approximate estimates of the economist, for two people to eat well, they needed from 15 to 20 roubles per day, which significantly exceeded the real income of the population:

When I see the prices, when I see how the Garkavees, who are well up in the income scale, have to [trim?] things, I don't see how a man on R60 to R80 a month, as a great many working are, can possibly make ends meet. The rent situation is the one thing that saves them. "Babuschka" confirms me in believe that at the present time black bread, tea with mightly little sugar, and, potatoes are about all a worker can afford. To buy any amount of milk, butter and meat is out of the question.⁵⁴

In 1929, industry was transferred to the continuous working week: there were four days of work and the fifth day was for rest.⁵⁵ The employment of workers in production increased, but wages, on the contrary, decreased. At the beginning of 1930, the government reconsidered the tariffs, according to which production standards increased and wages were lowered. As a result, salaries were reduced by one and a half to two times. The average salary of workers, as noted by Fetter, was 60–90 rubles per month. Low-paid groups of employees received 30–50 roubles, the highest paid groups received about 180 roubles per month.⁵⁶ Under the current conditions, the presence of bread cards was extremely significant. Fetter had the opportunity to get a real idea of the difficult financial situation of the Kazan people he knew who did not possess the cards. For example, lack of money and lack of bread cards forced Zybyna to sell things to buy bread. One Sunday they went together to the market to sell a gold medal awarded to her for teaching French at school.⁵⁷

In his July letters, Fetter very carefully described the extremely poor diet:

The food, is nothing wonderful but it's nourishing. . . . But there is very little suffering here an account of the food situation and, there is no evidence of starving among the children. . . . All the Russian I've met are much more carefree

---

⁵⁴ "Journal of European Trip. July 28, 1930." Box 1, General Correspondence 1930, p. 86. FWFP.

⁵⁵ "Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR Dated September 24, 1929 On Working Time and Rest Time in Enterprises and Institutions Switching to Continuous Production Week" [in Russian], *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR* (Moscow: Upravlenie delami SNK SSSR i STO, 1929), no. 63, col. 586.

⁵⁶ For more information on workers' salaries, see Osokina, *Behind the Façade of "Stalin's Abundance"*, 106–07.

⁵⁷ "Running notes. July 20, 1930." Box 1, General Correspondence 1930, p. 53. FWFP.

and happy go lucky than I had expected. In a crowd they more suggest a pleasure seeking American crowd in Walter Lippmann phrase, the "crowds [enfranchised?]" street market just around the corner.⁵⁸

The diary, on the contrary, notes serious concern of many people about the current food situation, but the general assessment remains the same:

I saw a number of groups of youngsters, all having a good time. Despite the food, situation that worries the elders, the youngsters in Russia are a happy lot, and as far as I can see show no signs of undernourishment.⁵⁹

Conclusion

According to Fetter's observations, the food situation in Kazan in August 1930 became much more difficult. Supply disruptions were becoming increasingly frequent in state cooperative trade and the quantity of goods was decreasing. Cooperatives rarely sold anything other than sugar, tea, bread, and a small amount of flour. Prices in the free market were rising rapidly: "When I left Kazan, butter was five rubles a pound, and meat about two rubles per pound, and both were very difficult to get even at that price."⁶⁰ All this caused even more grumble among the population and indicated an increasing commodity shortage. Forced collectivization, which began in the autumn of 1929, was the main reason for the sharp degradation in food supply. It led to the reduction in agricultural production and an aggravation of the situation in the countryside. The urban population experienced the disastrous results of the collapse of the peasant economy already in the spring and summer of 1930. While in 1929 the private owners provided about half of the supply of vegetables, a year later their share in trade fell to 5%.⁶¹ Thus, Fetter witnessed a radical change in the economic system of the state. The materials he collected help to understand how the turning point affected trade and food supply of Kazan residents. According to the researchers' conclusions, it was in 1930 that a crushing blow was dealt to the private sector and the market during the NEP period.⁶² In November 1930, the People's Commissariat of Foreign and Domestic Trade was reorganized into the People's Commissariat of Foreign Trade and the People's Commissariat of

---

⁵⁸ "Letter to Mother. July 21, 1930." Box 1, General Correspondence 1930, p. 5. FWFP.

⁵⁹ "Journal of European Trip. July 28, 1930." Box 1, General Correspondence 1930, p. 87. FWFP.

⁶⁰ "Letter to Samuel Northrup Harper. September 30, 1930." Box 1, General Correspondence 1930, p. 2. FWFP.

⁶¹ Osokina, *Behind the Façade of "Stalin's Abundance"*, 109.

⁶² Osokina, *Behind the Façade of "Stalin's Abundance"*, 109.

Supply, which symbolized the beginning of the era of centralized distribution. In parallel, collectivization and dispossession unfolded with renewed vigor.

Список литературы

- Курилла И.И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
- Лапина Г.В. Американцы в Москве: 1930–1940. Москва: Литфакт, 2022. 320 с.
- Малышева С.Ю. Триста граммов хлеба и ватник по ордеру: карточная система в Казани // Родина. 2005. № 8. Специальный выпуск. С. 130–133.
- Микенберг Дж.Л. Американки в Красной России: В погоне за советской мечтой / перевод с английского Т. Азаркович. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 448 с.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 351 с.
- Тихий К.Т. Американцы о стране Советов 1921–1933 гг. Владивосток: Дальнаука, 2000. 255 с.
- Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества. Москва: Либроком, 2012. 316 с.
- Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 608 с.
- Filene P.G. Americans and the Soviet experiment, 1917–1933. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967. 389 p.
- Hoover C.B. The Economic Life of Soviet Russia. New York: The Macmillan company, 1931. 361 p.

References

- Etkind, A.M. *Tolkovanie puteshestvii: Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Interpretation of travels: Russia and America in travelogues and intertexts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. (In Russian)
- Filene, P.G. *Americans and the Soviet experiment, 1917–1933*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967.
- Hoover, C.B. *The Economic Life of Soviet Russia*. New York: The Macmillan company, 1931.
- Kurilla, I.I. *Zaklyatye druz'ya. Istoriya mnenii, fantazii, kontaktov, vzaimo(ne)ponimaniya Rossii i SShA* [A love-hate relationship: History of opinions, fantasies, contacts, mutual (mis)understanding between Russia and the USA]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. (In Russian)
- Lapina, G.V. *Amerikantsy v Moskve: 1930–1940* [Americans in Moscow: 1930–1940]. Moscow: Litfakt, 2022. (In Russian)
- Malysheva, S.Yu. "Trista grammov khleba i vatnik po orderu: kartochnaya sistema v Kazani" [Three hundred grams of bread and a cotton wadded jacket by order: card system in Kazan]. Special issue, *Rodina*, no. 8 (2005): 130–33. (In Russian)
- Mickenberg, J.L. *Amerikanki v Krasnoi Rossii: V pogone za sovetsoi mechtoi* [American girls in Red Russia: Chasing the Soviet dream], translated from English by T. Azarkovich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. (in Russian)

Osokina, E.A. *Za fasadom "stalinskogo izobiliya": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the façade of 'Stalin's abundance': Distribution and the market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2008. (In Russian)

Shpotov, B.M. *Amerikanskii biznes i Sovetskii Soyuz v 1920–1930-e gody: Labirinty ekonomicheskogo sotrudnichestva* [American business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: Labyrinths of economic cooperation]. Moscow: Librokom, 2012. (In Russian)

Tikhii, K.T. *Amerikantsy o strane Sovetov 1921–1933 gg.* [Americans about the Soviet Union, 1921–1933]. Vladivostok: Dal'nauka, 2000. (In Russian)

Информация об авторе

Абилова Рамина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), <https://orcid.org/0000-0001-9172-1177>, ramina.abilova@gmail.com, Тюменский государственный университет (д. 6, ул. Володарского, 625003 Тюмень, Россия).

Information about the author

Ramina O. Abilova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the School for Environmental and Social Studies (Anthroposchool), <https://orcid.org/0000-0001-9172-1177>, ramina.abilova@gmail.com, University of Tyumen (6, ul. Volodarskogo, 625003 Tyumen, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 26.01.2024.

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 26.01.2024.